

Лу Чжао торопился на встречу со своим парнем, Е Синланем.

Оба они учились в Федеральном объединенном университете, однако Лу Чжао сейчас сидел в скоростном шаттле, предназначенном для дальних внутривселенских перелетов. И даже при такой скорости путь из его кампуса в кампус Е Синлана занимал не меньше двух часов.

Огромная территория Цзунда раскинулась так широко, что разные факультеты подчас разделяла добрая половина планеты.

И то, что при таком расстоянии они умудрились встретиться и сойтись, было чистой заслугой давней федеральной традиции — ознакомительных военных сборов для первокурсников.

Войны давно ушли в прошлое, а прежние военные академии одна за другой превратились в обычные гражданские вузы, но традицию отменять не стали. Конечно, теперь новобранцам не грозила реальная опасность военного времени — сборы превратились скорее в увлекательное спортивно-тактическое состязание.

Каждую осень, едва начинался учебный год, руководство вуза отбирало несколько полигонов и распределяло студентов разных специальностей по разным точкам в определенной пропорции.

Затем искусственный интеллект анализировал личные дела новобранцев и разбивал их на небольшие отряды — от трех до восьми человек в каждом.

На каждом полигоне высаживались тысячи подобных групп. За семь дней им предстояло выполнить цепочку заданий и заработать как можно больше очков. Параллельно персональные терминалы фиксировали каждое их действие, выставляя поведенческие баллы.

Сплоченная командная работа поощрялась высокими оценками, а те, кто бросал товарищей на произвол судьбы, моментально уходили в минус. В итоге баллы за миссии суммировались с поведенческой оценкой, определяя финальный рейтинг.

Итоговые места не влияли на распределение по группам, зато сулили щедрые внутривузовские кредиты. Тем, кто умудрялся пробиться в топ-500, досрочно открывали доступ в закрытые зоны кампуса, куда обычно пускали только со второго курса. Для первой трехсотки, сотни лучших — на каждом пороге были предусмотрены свои привилегии.

А уж те, кто входил в первую десятку, становились знаменитостями еще до начала лекций. Именно из их числа традиционно выбирали будущего председателя студенческого союза.

Судьба свела Лу Чжао и Е Синлана в одном отряде. Помимо них, в группу вошли еще три человека — парень и две девушки.

Парень и одна из девушек оказались Альфами, вторая девушка и сам Лу Чжао — Бетами. Ну а

замыкал пятерку Е Синлань — единственный Омега. Классический, самый сбалансированный состав для полевых испытаний.

С первой секунды встречи оба Альфы вперились друг в друга яростными взглядами — воздух между ними едва не трещал от напряжения. Борьба за лидерство и право командовать отрядом разгорелась мгновенно, но...

...спустя двое суток бразды правления прибрал к рукам Лу Чжао.

История сборов знала подобные прецеденты, но случались они крайне редко.

Старшекурсники, следившие за трансляцией, быстро выделили их группу среди прочих. На студенческом форуме всю зубоскалили над беспомощностью парочки доминантных Альф, пасовавших перед обычной Бетой. Впрочем, тогда никто и помыслить не мог, что под руководством Лу Чжао этот разношерстный отряд вырвется на первое место в командном зачете.

Более того, сам Лу Чжао возглавил общий рейтинг в индивидуальном первенстве.

Для Беты это был беспрецедентный, почти нереальный триумф. Еще до финального свистка его имя гремело по всем веткам университетского форума.

Толпа изнывала от любопытства, силясь разузнать хоть что-то о загадочном новичке. Кое-кто из его бывших одноклассников даже пытался выкладывать в сеть школьные подробности... Но самому Лу Чжао, невольно ставшему главной темой для обсуждения, было глубоко плевать на внезапную популярность.

В его личной реальности назревали куда более серьезные события: Е Синлань признался ему в любви.

Глядя на робкого, но решившегося на отчаянный шаг юношу, Лу Чжао не спешил ни соглашаться, ни отказывать. Сперва он мысленно прокрутил назад все дни их совместных испытаний.

Синлань действительно держался в стороне от вздорных Альф и первым беспрекословно подчинился его приказам. Что ж, это действительно вызывало определенную симпатию.

Однако симпатия эта не выходила за рамки простого приятельства — парень казался ему славным и надежным товарищем, не более. О романтике Лу Чжао даже не думал.

— Прости, но у меня сейчас совсем другие... — мягко начал Лу Чжао, собираясь деликатно отказать.

Но закончить фразу ему не дали.

В глазах Е Синлани вспыхнуло упрямство.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — перебил он. — Все считают, что Омега обязан выбрать Альфу. Но я так не хочу, Лу Чжао! Слышишь, не хочу!

— Мои родители — классическая пара Альфы и Омеги. Их чувства друг к другу безумны, они граничат с одержимостью... И эта одержимость меня пугает.

Юноша нервно теребил край своего рукава. Лу Чжао заметил, как побелели его пальцы от чрезмерного напряжения.

А Е Синлань продолжал, не в силах остановиться:

— Когда я учился в средней школе, у мамы раньше срока началась течка, а отца не было дома. — О том, что происходит в такие моменты, не нужно было объяснять. — Она... она совершенно потеряла рассудок. Я был в ужасе. Схватил младших и заперся с ними в спальне, мы дышать боялись. Только когда отец вернулся, этот кошмар прекратился.

— Вскоре после этого я прошел дифференциацию. И стал Омегой — точь-в-точь как мама. Все вокруг поздравляли меня, а я дал себе клятву, что никогда, ни при каких обстоятельствах не расстанусь с подавителями. — Благо в эпоху межзвездных перелетов медицина шагнула далеко вперед, и современные блокаторы больше не грозили тяжелым бесплодием или разрушением организма, как на заре открытия вторых полов. — Если тебя смущает моя природа — не думай об этом. Я справлюсь. Лу Чжао, для тебя я буду просто Бетой!

И Лу Чжао дрогнул.

Разумеется, дело было не в наивном обещании «притвориться Бетой». В отчаянных словах юноши сквозило то же неприятие физиологического рабства, которое разделял и сам Лу Чжао.

Образ Е Синлани в его глазах мгновенно обрел глубину — теперь это был не просто симпатичный сокурсник, а родственная душа, с которой стоило сблизиться. Но для полноценных отношений этого всё еще казалось мало.

Немного подумав, он ответил:

— Послушай, мы пока слишком мало знаем друг друга. Одно дело — полевой полигон, и совсем другое — обычная жизнь. Давай обменяемся контактами, пообщаемся без спешки, а там видно будет. Согласен? Ну а если за это время ты поймешь, что я не тот, кто тебе нужен, просто скажи мне об этом. Без обид.

Услышав это, Е Синлань заметно приободрился и поспешно кивнул.

Половину семестра они переписывались как приятели, а к середине зимы незаметно для самих себя стали парой.

Первый семестр близился к финалу, в большинстве институтов вовсю шла сессия. Для студентов Цзунда наступили самые суровые дни. Народу на улицах поубавилось, и даже скоростные шаттлы, обычно забитые до отказа, теперь возили лишь редких пассажиров.

Лу Чжао сидел у окна, безуспешно пытаясь унять нарастающую тревогу, и невидящим взором скользил по выведенному на экран терминала конспекту.

Часы показывали половину первого дня. Он едва успел сдать один экзамен, как тут же бросился на станцию, помня, что в шесть вечера его ждет следующее испытание.

Сорваться посреди экзаменационного дня в другой кампус было безумием. Но Е Синлань молчал уже трое суток. На звонки он отвечал — уверял, что все в порядке, а молчит исключительно из-за зубрежки. Но Лу Чжао слишком хорошо его знал. Этот надломленный, глухой голос в трубке невозможно было спутать ни с чем.

Наверняка заболел и просто не хочет его отвлекать.

Пытаться выяснить что-то по связи было бесполезно — Синлань лишь снова завел бы унылую пластинку: «Со мной все хорошо, готовься к экзаменам». Поэтому Лу Чжао решил действовать лично.

Но боже, до чего же огромен этот проклятый университет...

Лу Чжао тяжело вздохнул.

Когда он наконец добрался до нужного сектора, стрелки часов приближались к трем.

В разгар сессии жилые корпуса выглядели вымершими — коридоры тонули в сонной, напряженной тишине.

На входе мерно поблескивал оптическими датчиками робот-охранник, но Лу Чжао уже давно был занесен в гостевой лист Е Синлани, так что турникет бесшумно пропустил его внутрь.

Отыскав нужную дверь, он еще раз сверил номер с сообщением в терминале и негромко постучал.

Раздался сухой, дробный стук.

Прошла секунда, другая, третья. За дверью царило гробовое молчание.

Лу Чжао нахмурился.

Ушел? Для экзаменационной недели дело обычное, но интуиция подсказывала, что здесь кроется что-то другое.

Может, он ошибся и парень действительно просто заперся в библиотеке?

Или же ему стало совсем худо, и его забрали в лазарет?

Чтобы не гадать, Лу Чжао вызвал абонента напрямую. В конце концов, он уже стоял под его дверью, и выставить его обратно Е Синлань просто не посмел бы.

Будучи человеком действия, он нажал кнопку вызова.

Длинные гудки тянулись мучительно долго. Наконец экран моргнул, и из динамика донесся тихий, прерывистый шепот:

— Да... Алло, Лу Чжао...

Голос звучал безжизненно и слабо — так не разговаривают здоровые люди.

У Лу Чжао сжалось сердце.

— Синлань, если тебе плохо, нужно показаться врачу. Хочешь, я приеду прямо сейчас и мы сходим в лазарет вместе?

— Не надо... — торопливо выдохнул тот. — Правда, не стоит. Со мной все хорошо.

— И где ты сейчас? — Лу Чжао вздохнул, вспоминая расписание партнера. Экзаменов на сегодня у того не значилось. — Только не говори, что засел в библиотеке и пытаешься заниматься через силу.

— Нет... Я у себя. В комнате, — тихо ответил Е Синлань.

Лу Чжао замер с трубкой у уха.

Взгляд его скользнул по матовой поверхности двери. Цифры на табличке были те самые. Ошибки быть не могло.

Если Е Синлань внутри, почему он не заставил себя хотя бы спросить «кто там»?

Лу Чжао медленно облизал пересохшие губы. Он поднял руку и вновь постучал — на этот раз громче, требовательнее.

Звукоизоляция в блоках была отличной, но мембрана двери транслировала вибрации внутрь помещения. Тот, кто находился в комнате, просто не мог этого не услышать.

И действительно — сквозь шорох динамика до Лу Чжао долетел ответный, приглушенный расстоянием стук с той стороны линии.

Из трубки донесся судорожный, испуганный выдох — Е Синлань явно вздрогнул от неожиданности.

— Открой мне, — глухо произнес Лу Чжао. Голос его сделался пугающе ровным. — Ты там. Я знаю.

На том конце провода послышался тихий всхлип, похожий на капитуляцию:

— Это... это ты стучишь, Лу Чжао?..

— Да, я.

В трубке повисла тяжелая пауза. Слов не было, но Лу Чжао уловил странную возню и чье-то тяжелое, прерывистое дыхание, шедшее вовсе не от его парня.

Сердце забилось быстрее, предчувствие беды ледяной коркой сковало грудь.

— Открой, Е Синлань, — повторил он, чеканя каждое слово.

Ответом была лишь гнетущая тишина.

— Ты не можешь подойти? — Лу Чжао почувствовал, как ярость вскипает в жилах. — В комнате кто-то есть? Тебя удерживают?

Молчание.

Лу Чжао резким движением свернул окно вызова и открыл панель экстренной связи. Пальцы быстро набрали три цифры диспетчерской службы безопасности.

— Скажи хоть слово, или я вызываю наряд, — предупредил он.

— Лу Чжао... — наконец пролепетал Е Синлань, и в этом звуке было столько отчаяния, что у Беты заныло в груди.

— Тихо, тихо, не бойся, — ласково, успокаивающе заговорил Лу Чжао, силясь скрыть собственную дрожь. — Я здесь. Ничего не бойся. Никто тебя не тронет, я обещаю. Закон на нашей стороне. Служба защиты прав Омег быстро во всем разберется, тебе ничего не грозит. — Лу Чжао перевел дыхание и, повысив голос так, чтобы его услышали внутри комнаты, жестко отчеканил: — А тот ублюдок, что заперся с тобой... Кем бы ты ни был, клянусь, ты сгниешь за решеткой!

Но в ответ раздался лишь тихий, обреченный шепот:

— Прости меня, Лу Чжао... Прости... Но я... я не могу... Оказывается, вот каково это — быть Омегой. Я никогда... никогда не думал, что природа сильнее... Мне так жаль, Лу Чжао. Прости меня.

Лу Чжао оцепенел.

Палец застыл над кнопкой вызова экстренных служб. На экране светился готовый к отправке запрос. Достаточно легкого касания, чтобы запустить маховик системы правосудия.

Но рука словно налилась свинцом. Палец онемел и отказывался повиноваться.

В этот момент из динамика донесся короткий, приглушенный смешок.

Звук показался смутно знакомым, но у Лу Чжао не было ментального ресурса, чтобы копаться в памяти.

В голове набатом стучали слова Е Синлани. «Я безумно боюсь... Я никогда не откажусь от блокаторов...» — упрямо твердил он когда-то. И следом — этот жалкий, раздавленный лепет: «Прости, Лу Чжао... Оказывается, вот оно как...»

Линия отозвалась короткими, равнодушными гудками. Связь оборвалась.